УДК 81’373; 81-119
DOI 10.17516/2311-3499-097

ОРНИТОНИМЫ-НОМЕНЫ В ЭКОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Н.А. Курашкина

В статье рассматриваются научные названия птиц (орнитонимы-номены) как языковые номинации природных объектов. Отмечается, что номен как разновидность термина выполняет две ведущие функции: номинативную и когнитивную, т.е. именуя птиц, номенклатурная единица одновременно служит средством познания окружающего мира. В составе орнитонимов-номенов выделяется семь компонентов, несущих биологически и экологически важную информацию о называемых видах. Это фононимы, морфонимы, бионимы, фагонимы, эргонимы, топонимы и эпонимы. В научной систематике внешний облик птицы и места ее обитания и гнездования имеют большое значение для определения вида, поэтому эпитеты с компонентами морфонимом и бионимом занимают лидирующие позиции. Среди родовых имен лидерство делят орнитонимы с компонентами фононимом и морфонимом-колоронимом. Подчеркивается важность лингвистических исследований в области природной экологии для передачи информации о познавательной деятельности человека последующим поколениям и формирования экоантропоцентрического мировоззрения, необходимого для упрочения эколингвистики как междисциплинарной науки.

Ключевые слова и фразы: *научная номенклатура; орнитоним-номен; эколингвистика; родовое имя; видовое прилагательное (эпитет); фононим; морфоним; бионим; фагоним; эргоним.*

ORNYTHONYMS-NOMENS IN ECOLINGUISTIC INTERPRETATION

N.A. Kurashkina

The article discusses scientific bird names (ornithonyms-nomens) as linguistic nominations of natural objects. It is observed that a nomen, being a variety of a term, performs the two leading functions: nominative and cognitive, i.e. giving names to birds a nomenclative unit at the same time serves as a means of experiencing of the wide world. The examined ornithonyms-nomens are categorized in accordance with the seven feature-forming components which contain biologically and ecologically important information about the species they name. These components are phononyms, morphonyms, bionyms, phagonyms, ergonyms, toponyms and eponyms.

A phononym reflects various bird vocalizations and can be represented in the form of a voice transcription, an onomatopoetic root or a voice assessing description. A morphonym contains somatic characteristics and can be of two types: a morphonym that indicates plumage colour and a morphonym that describes a bird’s shape and size. A bionym contains information on a bird’s habitat and environmental condition, while a phagonym reveals the variety of food items or prey of birds. An ergonym refers to display breeding behaviour, typical habits or temperament, a mode of flight and other behavioral models. A toponym is connected with names of continents, countries and other types of locality with reference to the actual bird distribution. An eponym commemorates a real person or a mythical or fictional character.

In the scientific systematics bird appearance, its habitat and environmental condition are of great importance for species identification, that is why epithets containing morphonyms and bionyms show the quantitative domination. Among the generic names ornithonyms containing phononyms and morphonyms share the leading position. It means that man singles out birds with most noticeable features such as voice and plumage colour and gives them corresponding names. It is appropriate here to note the significance of linguistic studies in the sphere of natural ecology for the further transmission of the information on man’s

cognitive activity and for the formation of ecoanthropocentric worldview which is required to strengthen the position of ecolinguistics as an interdisciplinary science.
Keywords and phrases: *scientific nomenclature; ornithonym-nomen; ecolinguistics; generic name; specific adjective (epithet); phononym, morphonym, bionym, phagonym, ergonym.*

Зонтичный термин *эколингвистика*, предложенный А. Филлом в 1995 году для объединения всех существующих подходов к языку и экологии, оказался достаточно удачным. В XXI веке поле для будущих эколингвистических изысканий располагается уже, как минимум, на трех уровнях [Fill, Penz 2018: 441–442]: 1) уровень языкового многообразия и связанные с ним проблемы, в частности проблема языков малых народов, проблемы языковой угрозы и языковой гибели; 2) уровень языка, дискурса и экологии, на котором роль языка и дискурса в решении экологических задач видится доминирующей. На дискурсивном уровне планируется учитывать как позитивные, так и негативные аспекты, равно как и разные виды дискурса, включая ресурсы современного медийного пространства; 3) уровень трансдисциплинарной науки или философии взаимодействия и гармонии. Однако предназначавшаяся, по замыслу К. Ажежа [Ажеж 2003], для языковых изысканий в сфере природной экологии, эколингвистика почти не изучает, каким образом природные явления или объекты находят воплощение в языках и культуре.

Между тем, по мнению ряда исследователей, изучение такого явления, как, например, дискурсивная репрезентация животных, заслуживает того, чтобы стать ключевой эколингвистической сферой [Cook, Sealey 2018]. Как утверждает во вступительной части своей книги А. Стиббе, животные исчезают, вымирают, но не только в смысле физического исчезновения (вымирания), а в смысле их «стирания» из человеческого сознания [Stibbe 2012: 1]. Взаимодействие современного человека с животными происходит опосредованно: через телевизионные программы о живой природе, книги, журналы, интернет. Также животные предстают в качестве музейных экспонатов, демонстрируются в вольерах зоопарков или океанариумах как существа, подчиненные человеку. По сути, настоящее взаимодействие с животными подменяется всевозможными знаками: словами, картинками, игрушками и т.п., и хотя знаки первоначально возникают на основе взаимосвязи с реальными животными, они со временем начинают жить своей жизнью «копий без оригинала». Так, например, счастливые говорящие коровы, рекламирующие продукты, изготовленные из их собственной плоти, представляют собой, по мнению А. Стиббе, случай «стирания» реальных животных из человеческого сознания [Stibbe 2012: 2].

Помимо сказанного, наблюдается непонимание «экологических корней значений названий объектов живой природы» [Лебедев 2009: 7], что ведет к их исчезновению в речи носителей языка, а это прямой путь к языковому оскудению.

Основная цель настоящей работы видится в выявлении той важной информация о взаимосвязях человека с окружающей средой, которая заложена в орнитонимах-номенах, призванных максимально точно фиксировать характеристики птиц как наиболее ярких представителей царства животных. Это приобретает особую значимость в эпоху техно- и антропоцентризма с доминирующим потребительским отношением к природе и эффектом «стирания» достоверного представления о реально существующем многообразии видов. Материалом для анализа послужил сравнительный словарь орнитонимов, включающий в себя номинации 102 видов отряда воробьеобразных на латинском, русском, английском и французском языках, представленные в тесной связи с данными по биологии и экологии птиц, а также сведениями о роли птиц в культурных традициях разных народов [Курашкина 2013]. Полагаем, что «сухой» язык научной систематизации выполняет не только номинативную, но и когнитивную функцию, закрепляя в названиях представления об окружающем мире, а номены служат средством познания.

Имя в научной номенклатуре

Основной функцией языка по отношению к животным, безусловно, выступает функция номинативная, позволяющая обозначать как отдельных представителей, так и целые группы

сходных видов: «И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым» (Бытие 2 (20)).

В современной науке разработана относительно устойчивая классификация животных и определены научные названия для каждого представителя животного мира в соответствии с существующей систематикой. Стремление распределить бесконечное богатство объектов природы на группы и классы вещей по сходным признакам есть свойство мышления, и классификация в этом смысле предстает как высшая точка человеческого знания.

Зоологическая номенклатура представляет собой «применение отличительных названий для каждой из групп организмов, выделенных в любой зоологической классификации» [Симпсон 2006: 11]. Основу для большей части данной номенклатуры составляет линнеевская иерархия, достигшая своей почти законченной формы (для зоологов) в 10-м издании «Системы природы» (Systema Naturae) К. Линнея в 1758 г. Принятая всеобщим соглашением для стандартных зоологических классификаций, линнеевская иерархия предстает как последовательность, состоящая из семи уровней или рангов: царство, тип, класс, отряд, семейство, род, вид [Linnaei 1758]. Современная таксономия птиц опирается на систему классификации, созданную К. Линнеем, где главной таксономической единицей выступает вид (могут выделяться более мелкие группировки – подвиды). Так, несколько родственных видов составляют род, рода образуют семейство (могут быть подсемейства), семейства объединяются в отряд, отряды составляют класс. Класс птиц входит в тип хордовых, подтип позвоночных, принадлежа царству животных [Рябицев 2008: 17]. Таким образом, современные правила номенклатуры таксонов опираются исключительно на линнеевскую систематику, согласно которой «таксон может иметь название только в том случае, если ему присвоен какой-либо абсолютный ранг» [Клюге 1999: 9].

Со времен К. Линнея действует бинарная номенклатура, в соответствии с которой каждый вид обозначается двумя латинскими названиями, показывающими родовую и видовую принадлежность, например, лат. *Lullula arborea*, или *лесной жаворонок*, где *Lullula* (*жаворонок*) – это родовое имя, а *arborea* (*лесной*) – это видовое прилагательное (видовой эпитет). В качестве видового эпитета может рассматриваться имя существительное в функции прилагательного (рус. камышовка-*барсучок*), существительное (имя собственное) в родительном падеже (англ. *Naumann's* thrush, франц. pinson *du Nord*) либо прилагательное, согласованное с родовым названием в числе и роде (англ. *wood* warbler, франц. bouvreuil *pivoine*). Родовые наименования обычно имеют просторечно-региональное происхождение, многие из которых «некогда были индивидуальными однокомпонентными названиями, в то время как видовые определения – это результат более позднего словотворчества ученых» [Коблик, Фридман 2013: 862]. Реже встречаются тройные номинации, содержащие два видовых эпитета, например, англ. *European pied* flycatcher, *great grey* shrike; названия многих видов имеют только одно родовое имя, например, рус. *коноплянка*, англ. *yellowhammer*, *rook*. Что касается латинской и французской орнитономенклатур, то они в основном бинарные, например, лат. *Phylloscopus trochiloides* (франц. *pouillot verdâtre*). Такие видовые определения, как *обыкновенный* /*common, европейский* / *European* / *Eurasian* зачастую опускаются, так что наблюдается тенденция к свертыванию биноминального названия в родовое имя. Порядок перечисления видов в орнитологии отличается относительным постоянством и организуется в соответствии со систематическими сводками (см. [Коблик и др. 2006; Коблик, Архипов 2019]).

Анализ эколингвистического потенциала орнитонимов-номенов требует уточнения понятий *номен* и *термин*.

П. Флоренский видит в слове «точку приложения деятельности мысли», а *термин* предстает как «слово слов, как слово спрессованное, как сгущенный самый существенный сок слова» [Флоренский 2006: 187, 241], благодаря чему терминологию можно назвать *орудием*, «посредством которого делается точное наименование» [Там же: 193].

В современном терминоведении *термин* характеризуется как «лексическая единица определенного языка для специальных целей, обозначающая общее – конкретное или абстрактное

– понятие теории определенной специальной области знаний или деятельности» [Лейчик 2009: 31–32]. При этом термин является особым словом, отличным от слов и словосочетаний, изучаемых лингвистикой, поскольку к нему предъявляются совсем иные нормативные требования. В то же время *термин* может определяться как «основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно *служить средством познания окружающего мира*» (курсив наш. – *Н.К.*) [Ивина 2003: 14].

Между тем вопрос о необходимости разграничения *термина и номена* в терминологической науке впервые поставлен Г.О. Винокуром, который понимает под *номенклатурой*, в отличие от терминологии, «систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, вещей, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [Винокур 1939: 8].

Детальный анализ возможных интерпретаций понятия *номенклатура*, проделанный С.Д. Шеловым, позволяет ученому свести весь объем бытующих толкований к трем основным пониманиям, а именно: 1) номенклатура как совокупность научных названий представителей природного и животного мира; 2) номенклатура как совокупность обозначений «низших естественных разрядов», видов; 3) номенклатура как совокупность именований, использующих в своем составе условные обозначения (иногда – сами эти обозначения) [Шелов 2018: 229–230].

В современных работах *номены* часто рассматриваются как «разновидности терминов, отличные по характеру обозначаемого понятия. Абстрактные, обобщенные понятия обозначаются терминами, конкретные и единичные – номенами» [Ходакова 2012: 411]. *Номен* (лат. *nomen* – ‘имя’) – «название (имя существительное), значение которого определяется с достаточно высокой четкостью и место которого в системе подобных наименований закреплено более или менее жестко; *термин* в ряду себе подобных» [см.: Журавлев, Варбот 2018]. Соответственно, *номенклатура* (лат. *nomenclatura* – ‘перечень, список’) представляет собой «совокупность однородных терминологических наименований, *номенов*» [Там же].

Таким образом, как особый тип терминов, *номен* обозначает «конкретное единичное понятие, важное в прикладном аспекте», отличающееся некоторой степенью субъективности, что свидетельствует «о потенциале перехода единицы в разряд терминов» [Ходакова 2012: 416]. Существует и расширительное толкование *номена*, точнее *номенклатурного наименования*, воспринимаемого как «терминологическое обозначение частного специального понятия какой-либо области знания, дисциплины или тематической области, которое состоит из двух лексико-синтаксических компонент, синтаксически главный из которых является термином, словом или словосочетанием общего языка и обозначает специальное родовое понятие данной области, а синтаксически подчиненный – является условным, внешним (для данной области знания и для обозначения соответствующего понятия) знаком <…> и служит для выделения из родового понятия именно данного частного понятия, фиксируемого в специальных описаниях, толкованиях, дефинициях и т.п.» [Шелов 2018: 231]. При таком подходе номенклатура становится неотъемлемой частью терминологии, что снимает многочисленные вопросы о статусе номенклатурных единиц.

По мнению Дж. Симпсона, зоологическая номенклатура – это «просто этикетирование таксонов в классификации. <…> Она разрабатывает словарь для описания и обсуждения животных и в таком качестве совершенно необходима в зоологии, но сама по себе она не представляет какого-либо другого зоологического и вообще научного интереса» [Симпсон 2006: 40]. На самом деле номенклатура являет собой «прочеканенные и пройденные резцом слова повседневного языка», в которых «каждое удачное название опирается на годы внимательнейшего вглядывания, на познание тесно-сплоченных и устойчивых переплетений многих признаков и на понимание, как именно соотносятся эти комплексы к разным другим того же порядка» [Флоренский 2006: 189–190]. Однако

совершенно очевидно, что номены не только называют объекты и явления, но и служат средством познания окружающего мира.

Номенклатурная единица призвана выполнять номинативную, классификационную, информативную и коммуникативную функции [Кузнецова 2009: 16]. Применительно к научным названиям птиц номинативная функция состоит в наименовании отдельно взятого вида с учетом тех признаков, которые являются необходимыми и достаточными для его идентификации. Классификационная функция заключается в индивидуализации, обобщении и дифференциации многообразия видов, составляющих орнитофауну, и определении места для каждого представителя в таксономической системе. Информативная и коммуникативная функции научных названий реализуются посредством включения данных единиц в информационный обмен, обеспечивая специалистам ориентацию в многообразии пернатого царства и профессиональное общение по вопросам, связанным с орнитологией и смежными областями знаний [Курашкина 2014: 38]. Помимо прочего, аккумулируя знания об окружающем мире, номенклатурные единицы способны выполнять когнитивную функцию.

В конечном итоге любая систематика представляет собой «сгущенный опыт много-сот-летней истории человеческой мысли, уплотненное созерцание природы, и, конечно, есть главное достояние соответствующих областей знания, наиболее бесспорное, наиболее долговечное» [Флоренский 2006: 190].

Когнитивно-экологическая составляющая орнитонимов-номенов

Все рассмотренные орнитонимы-номены подразделяются на семь категорий в соответствии с вычленяемыми в них компонентами.

1. Компонент-*фононим* закрепляет разнообразные вокальные данные птиц и может быть представлен в виде: а) транскрипции голоса, б) звукоподражательного корня, в) оценки голосовых данных. Обладатели имен, образованных на основе транскрипции видового призывного крика или песенной фразы, – это, как правило, птицы с хорошо известными и легко воспроизводимыми человеком вокализациями, как например, англ. *chough* (клушица) < *chuff*; лат. *Lullula* arborea (лесной жаворонок-юла), франц. alouette *lulu* < *lullulullu*, рус. *юла* < *юли-юли-юли-юли*. Компонент-фононим, образованный на основе звукоподражательного корня или общей оценки вокализации, используется в номенах птиц, демонстративные песни которых отличаются сложностью и вариативностью, а позывки трудно поддаются переложению с помощью подходящих звукосочетаний. Например, рус. северная *бормотушка* < *бормотать* (песня представляет собой тихий вкрадчивый говорок, поющийся слитно); франц. pie *bavarde* (сорока), где *bavard, -e* = болтливый; лат. Bombycilla *garrulus* (свиристель) < лат. *garrio, garrīre* = щебетать, насвистывать. Такие сложно звучащие голоса часто осмысляются метафорически с использованием ярких эпитетов или отзвукоподражательных производных образований.

Если компонент-фононим, представленный видовым прилагательным, описывает общее впечатление о вокализации того или иного вида: например, рус. *певчий*, лат. *modularis* (мелодичный, певучий), франц. *babillarde* (болтливый, щебечущий), то компонент-фононим в виде родового имени более приспособлен к закреплению видового призывного крика (реже крика опасности) или фразы демонстративной песни при помощи звукосочетаний или звукоподражательных корней: например, англ. *pipit* (конёк), франц. *pipit* < *pit-pit*.

2. Компонент-*морфоним*, отражающий соматическую характеристику птиц, реализуется в двух видах: а) *морфоним-колороним*, фиксирующий цвет оперения птицы, и б) *морфоним, характеризующий форму и величину птицы*. Компонент-колороним большей частью обнаруживается в видовом прилагательном, призванном выполнять функцию различения близких по внешнему облику видов, например, англ. *yellow* wagtail (желтая трясогузка), *grey* wagtail (букв. серая трясогузка), *pied* wagtail (букв. черно-белая трясогузка). Родовые имена также могут содержать данный компонент, например, франц. *rousserolle* (камышовка) = диминутив < *roux*, рыжий + суф. *-erol(l)e*, т.е. рыжеватого цвета. Как правило, закрепляется представление о более

яркой, контрастной или доминирующей брачной окраске самца, причем фактически отмечается окраска части тела птицы (чаще цвет спинной стороны тела и головы), например, лат. Motacilla *alba* (белая трясогузка), *Pyrrhula* (снегирь, букв. красного цвета), англ. *gold*finch (щегол, букв. золотой вьюрок), рус. *серый* сорокопут. Компоненты-морфонимы, характеризующие форму и величину птицы, часто метафоричны в своей основе, например, лат. *Bombycilla* (свиристель, букв. шелковый хвост), англ. *waxwing* (свиристель, букв. воскокрыл), франц. *roitelet* (королёк), рус. *ополовник* (указание на длинный хвост синицы). Величина птицы (большая или малая) в большинстве случаев фиксируется видовым прилагательным, например, рус. *большая* синица, франц. troglodyte *mignon*.

Как и орнитонимы с компонентом-фононимом, орнитонимы, возникшие на основании подобия одному из цветов спектра, отличаются метафоричностью представления наиболее заметных признаков вида.

3. Компонент-*бионим* указывает на ландшафтную приуроченность видов и предпочитаемые ими места обитания и гнездования. Для отнесения птицы к тому или иному биотопу больше всего приспособлены видовые прилагательные, например, франц. grimpereau *des bois* (лесной), лат. Passer *montanus* (горный), рус. *полевой* жаворонок, англ. *water* pipit (водный) и т.п. Встречается указание на биотоп и в родовых именах, например, рус. *дубровник*, лат. *Sylvia* (обитатель леса). Компонент-бионим может устанавливать взаимосвязь между животным и определенным ландшафтом на основе метонимии, например, рус. *берег*овушка, *камыш*овка; англ. *bambl*ing (< *bramble* = ежевика); франц. *phragmite* (камышовка). Характер гнездостроительства часто отмечен метафорическим переносом, например, франц. *troglodyte* mignon = *троглодит* (крапивник строит шарообразное, с боковым входом гнездо, больше похожее на пещеру); франц. sittelle *torchepot* = *замарашка* (поползень обмазывает глиной или грязью дупло, подгоняя леток под свой размер).

4. Компонент-*фагоним* характеризует пищевые предпочтения птиц и закрепляет в номене как особенности рациона, так и способ добывания пищи, присутствуя в названиях видов с ярко выраженной кормовой специализацией, например, англ. spotted *nutcracker* = тот, кто раскалывает орехи (кедровка), рус. *мухоловка,* лат. Pinicola *enucleator* = тот, кто вынимает косточку (щур).

5. Компонент-*эргоним* отражает: а) время прилета птицы в места гнездования или зимовки, б) особенность полета, в) время активности, г) особенность подачи демонстративного пения, д) особенности телодвижения, и) поведение, связанное с кормодобыванием, к) повадки птицы. В качестве примеров могут служить такие орнитонимы, как рус. *зяблик* (время прилета), англ. *wagtail* (трясогузка), франц. *grimpereau* des bois = тот, кто ползет вверх (пищуха).

6. Компонент-*топоним* присутствует исключительно в видовых эпитетах и связан: а) с названиями материков, стран, полюсов земного шара (компонент-*гипертопоним*, например, лат. *europaea*, англ. *Eurasian, European*, франц. jaseur *boreal* (северный), pinson *du Nord*), б) с названиями столиц государств, крупных регионов или областей, горных систем, рек, островов (*компонент-макротопоним*, например, лат. Eremophila *alpestris* (рогатый жаворонок) < лат. *Alpēs* альпийский, или горный) в) с названиями населенных пунктов региональной значимости, мелких рек или гор (*компонент-регионим*, например, лат.Turdus *iliacus* (белобровик) = Илионский). В дополнение к примененной иерархической классификации топонимов [Мурясов 2016: 232] выделяется группа номенов, указывающих на частую встречаемость видов в пределах своего ареала обитания, что выражено прилагательными: рус. *обыкновенный,* англ. *common,* франц. *familier,* лат. *communis, familiaris, trivialis, vulgaris* и т.п. В целом компонент-топоним несет в себе гораздо больше информации о называемом виде, нежели компонент-эпоним.

7. *Эпоним* в составе орнитонима увековечивает имя а) первооткрывателя, натуралиста, б) исторического или мифического героя. Факт прямой или опосредованной причастности некоего лица к описанию какой-либо птицы закрепляется видовым эпитетом, например, франц. bergeronette *d'Yarrell*, рус. дрозд *Науманна*. Имя мифологического или библейского персонажа в равной мере представлен видовым прилагательным и родовым названием, например, франц. rossignol *philomèle* (южный соловей) и лат. Turdus *philomelos* (певчий дрозд) несут в себе имя Филомелы – дочери

одного из первых правителей Афин, а франц. rossignol *prognė* (обыкновенный соловей) удостоен носить имя сестры Филомелы-соловья – Прокны; англ. *martin* (береговушка и городская ласточка) < *St. Martin of Tours*, святой Мартин, епископ Турский (один из самых почитаемых святых эпохи древней и средневековой Франции). Компоненты-эпонимы, указывающие на причастность некоего лица к описанию какого-либо вида или же на произвольную связь антропонимического образа с птицей, малоинформативны для идентификации видов, но интересны с точки зрения наличия тесных взаимосвязей номена с культурно-историческими традициями.

Возможны сочетания указанных компонентов для составных родовых имен (например, англ. *chaffinch* = *chaf* < *chaff* = мякина (фагоним) + *finch* < *finc* или *fink* = характерный призывный крик (фононим)), а сам компонент может быть представлен как видовым прилагательным, так и родовым именем или его частью (например, рус. *черноголовый чекан* = *черноголовый* (морфоним-колороним) + *чекан* < *чекать, чеканить* (кричать резким голосом) (фононим)). Таким образом, научное название вида может содержать от одного до трех компонентов, несущих экологически значимую информацию разного характера. Так, при наличии только родового имени в однокомпонентном орнитониме в нем обнаруживается один из признаков, положенных в основу номинации, который далеко не всегда совпадает в языках сравнения (например, рус *белобровик* < *белый* + «*бровь*» + суф. *–ик* (морфоним-колороним), англ. *redwing* (белобровик) < *red* = рыжий + *wing* = крыло (морфоним-колороним)). В стандартном биномене, как правило, вычленяется два компонента, из которых именно видовой эпитет призван акцентировать внимание на характерной особенности называемого вида. Например, англ. *warbler* указывает на способность к пению (фононим) и характеризует все семейство славковых, в то время как эпитеты обозначают отличительную особенность того или иного вида: *wood* warbler, где *wood* = лесной (бионим), *greenish* warbler, где *greenish* = зеленоватый (морфоним-колороним). В тройных номинациях, которые не отличаются частотностью, выделяется три компонента, и, соответственно, три экологически важных аспекта для характеристики вида. Например, англ. *great reed warbler*, где *great* = большой (морфоним, характеризующий величину), *reed* = тростниковый (бионим), *warbler* = певчая птица (фононим).

Наибольшую трудность и, одновременно, интерес исследователя представляют орнитонимы, в которых вышеуказанные компоненты вычленяются с разной долей вероятности и допускают всевозможные варианты по причине полной утраты мотива номинации. Обращение к этимологическим источникам отчасти позволяет восстановить компоненты, не противоречащие биологии и экологии вида, как например, в случае с русским орнитонимом *сорока*: компонент-фононим (< *стрекотать, сокотать*) / морфоним-колороним (связь с древнеславянским *ороко – белый камень* и *opuka, pukati* в значении *трещина, трескаться* = окраска, как у белого камня с черными трещинами) / компонент-бионим (праиндоевропейский корень **or* (*ar, er*) = вода как ландшафтная приуроченность вида) / компонент-эргоним (связь с индийским *saraka* = воровство, кража как характерная повадка).

Итоговые замечания

В научной систематике внешний облик птицы (цвет оперения, форма различных частей тела, величина) и места ее обитания и гнездования имеют большое значение для определения вида в полевых условиях, поэтому эпитеты с компонентами морфонимом и бионимом занимают лидирующие позиции. Среди родовых имен лидерство делят орнитонимы с компонентами фононимом и морфонимом-колоронимом.

В развитие мысли о субъекте как элементе некоего сюжета, в котором вещь или тварь «икс-в-действии» могла получить соответствующее наименование [Эко 2007: 244–245], полагаем, что названия птиц, включая большую часть орнитонимов-номенов, являются отражением принципа именования по совершаемым действиям в широком смысле этого слова. Поющая птица (пение как вокальное действие, поведение) вызывает к жизни звукоподражательное название; птица, демонстрирующая свое яркое оперение, становится обладателем имени, фиксирующего ее окраску; птица, занятая кормодобыванием или гнездостроительством, получает соответствующее имя;

наконец, птица, постоянно встречающаяся человеку в том или ином биотопе, будет названа в соответствии с ландшафтом ее пребывания и т.п. Данное наблюдение согласуется с суждениями А.Ф. Лосева, убежденного в том, что «когда действительность подлинно *заговорит,* – только тогда открывается принципиальная возможность и для ее собственного объективного оформления, и для ее понимания и усвоения кем бы и чем бы то ни было» [Лосев 1993: 808–809].

Также важно иметь в виду, что «то, что дается зрением, объективно по преимуществу», а «воспринимаемое слухом – по преимуществу субъективно» [Флоренский 2000: 41]. Отсюда следует, что звукоподражательные названия субъективны, а оттого неустойчивы и подвержены подновлениям и переосмыслениям. Названия же, данные по наблюдаемому (т.е. воспринимаемому зрением) действию в большей степени объективны и претендуют на определенную устойчивость в человеческом сознании. С другой стороны, звук есть «обнаружение самости, самость бытия»; он «непосредственно (диффундирует) просачивается в нашу сокровенность, непосредственно ею всасывается и, не имея нужды в проработке, сам всегда воспринимается и осознается как душа вещей. Из души прямо в душу глаголют нам вещи и существа» [Флоренский 2000: 42, 41]. Этим объясняется первичность звукоподражательных имен, которые, вследствие своей иконичности, оказываются менее долговечными по сравнению с именами, данными на символической, конвенциональной основе.

В конечном итоге все классификации создаются учеными для удовлетворения своих научных потребностей, а процесс называния характеризует называющего (субъект) в большей степени, чем объект называния. По этой причине, как отмечает в своих поздних рассуждениях К. Г. Юнг, «сущность действительности не изменяется, если ей дают иное именование. Воздействию этого подвергаемся лишь мы сами» [Юнг 1996: 365].

Человек выделяет птиц по наиболее заметным признакам, к которым со всей определенностью относятся голос и окраска оперения. Орнитонимы-фононимы и морфонимы представляют собой результат длительных эколого-коммуникативных взаимодействий человека и птицы, поскольку человек дает названия видам исходя из собственных знаний о них. Орнитоним с компонентом-фононимом образуется в том случае, если голос птицы является единственным доступным признаком для идентификации вида или же при наличии характерной отличительной вокализации. Заметные визуальные признаки наиболее крупных или ярких птиц дают основу для формирования орнитонимов с компонентом-морфонимом. Между тем с точки зрения описываемых видов животных, более значимыми могли бы оказаться такие характеристики, как форма, запах или другие отличительные особенности, которые недоступны человеческому восприятию.

В заключение необходимо подчеркнуть, что орнитонимы-номены, как и любые номенклатурные единицы, выполняют не только номинативную, классификационную, информативную, коммуникативную, но и когнитивную функцию, закрепляя в языке и передавая последующим поколениям важную информацию о познавательной деятельности человека в сфере экологии. А экологические знания, нашедшие свое место в языке, не должны быть утрачены; только грамотное владение ими способно стимулировать постепенное формирование экоантропоцентрического мировоззрения, столь необходимого для упрочения эколингвистики как междисциплинарной науки.

Литература

Ажеж К. Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки: Пер. с фр. М.: Издательская группа УРСС, 2003. 304 с.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Моск. ин-та истории, философии и литературы. Т.V. Сб. ст. по языковедению. М., 1939. С. 3–54.

Журавлев А.Ф., Варбот Ж.Ж. Краткий понятийно-терминологический справочник по этимологии и исторической лексикологии. Российская академия наук, Институт русского языка

им. В.В. Виноградова РАН, Этимология и история слов русского языка. 2018. URL: http://etymolog.ruslang.ru/ (дата обращения: 26.01.2019).

Ивина Л.В. Лингвокогнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): учебно-методическое пособие. М.: Акад. проект, 2003. 301 с.

Клюге Н.Ю. Линнеевская и постлиннеевская систематика надвидовых таксонов и новые принципы номенклатуры // Русский орнитологический журнал. Экспресс-выпуск 79. 1999. С. 3–21.

Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю. Список птиц Российской Федерации. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 256 с.

Коблик Е.А., Архипов В.Ю. Фауна птиц стран Северной Евразии в границах бывшего СССР: Списки видов [2014]. URL: http://zmmu.msu.ru/spec/publikacii/neserijnye-izdaniya/fauna-ptic-stran-severnoj-evrazii (дата обращения: 4.02.2019).

Коблик Е.А., Фридман Ю.С. О русских названиях птиц России [2006] // Русский орнитологический журнал. Т. 22. Экспресс-выпуск 864. 2013. С. 861–867.

Кузнецова Е.В. К вопросу о функциях номенклатурных номинаций (на материале международных наименований цветковых растений) // Известия Саратовского университета. Т. 9. Сер. Филология. Журналистика, Вып. 3. 2009. С. 15–18.

Курашкина Н.А. Сравнительный словарь орнитонимов: латинские, русские, английские и французские названия птиц отряда воробьинообразных: словарь. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. 290 с.

Курашкина Н.А. Информационный потенциал научных названий птиц (на примере орнитонимов отряда воробьеобразных) // Вестник Томского государственного университета. Филология. № 6 (32), 2014. С. 37–50.

Лебедев И.Г. Значение и происхождение русских названий животных России и сопредельных территорий (эколого-этимологическое исследование). М., 2009. 419 с.

Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.

Лосев А.Ф. Вещь и имя // Лосев Бытие – Имя – Космос / Сост. и ред. А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. С. 802–880.

Мурясов Р.З. Морфология имени существительного в разноструктурных языках: монография. Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. 296 с.

Рябицев В.К. Птицы Урала, Приуралья и Западной Сибири: Справочник-определитель. 3-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2008. 634 с.

Симпсон Джордж Г. Принципы таксономии животных / Пер. с англ. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 293 с.

Флоренский П.А. У водоразделов мысли // Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3 (1) / Сост. под ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Мысль, 2000. С. 25–372. (Филос. наследие).

Флоренский П.А. Имена: Сочинения. М.: Эксмо, 2006. 896 с. (Антология мысли).

Ходакова А.Г. Термины и номены // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 4 (1). 2012. С. 411–416.

Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: ПринтПро, 2018. 472 с.

Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / Пер. с англ. А. Глебовской. СПб.: «Симпозиум», 2007. 285 с.

Юнг К.Г. Поздние мысли // Собрание сочинений. Дух Меркурий / Пер. с нем. М.: Канон, 1996. С. 343–373.

Cook G., Sealy A. The Discursive Representation of Animals // The Routledge Handbook of Ecolinguistics / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. New York and London: Routledge, 2018. P. 311–324.

Fill A., Penz H. Ecolinguistics in the 21st Century: New Orientations and Future Directions // The Routledge Handbook of Ecolinguistics / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. New York and London: Routledge, 2018. P. 437–443.

Linnaei Caroli Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classses, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Editio decima, reformata. Holmiæ [Stockholm]: impensis direct. Laurentii Salvii. 1758. [4] Bl. P. 6–823.

Stibbe A. Animals Erased: Discourse, Ecology, and Reconnection with the Natural World. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2012. 224 p.

References

Hagège C. Chelovek govoryashchiy: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki [L'homme de paroles: contribution linguistique aux sciences humaines]. Per s fr. M.: Editorial URSS, 2003. 304 p.

Vinokur G.O. O nekotorykh yavleniyakh slovoobrazovaniya v russkoy tekhnicheskoy terminologhii [On Some Word-formation Phenomena in Russian Technical Terminology]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii,filosofii i literatury* [*Proceedings of Moscow Institute of History, Philosophy and Literature*].Vol. V. Sbornik statey po yazykovedeniyu. M., 1939. P. 3–54.

Zhuravlyov A.F., Varbot Zh.Zh. Kratkiy ponyatiyno-terminologhicheskiy spravochnik po etimologhii i istoricheskoy leksikologhii [A Concise Cognitive-terminological Reference Book on Etymology and Historical Lexicography]. Rossiyskaya akademiya nauk, Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. *Etimologhiya i istoriya slov russkogo yazyka* [*Etymology and History of Words of the Russian Language*]. 2018. URL: http://etymolog.ruslang.ru/ (accessed 26.01.2019).

Ivina L.V. Lingvo-kognitivnye osnovy analiza otraslevykh terminosistem (na primere angloyazychnoy terminologhii venchurnogo finansirovaniya) [Linguo-cognitive Foundations of the Analysis of Branch Terminological Systems (based on the English Terminology of Venture Financing)]: uchebno-metodicheskoye posobiye. M.: Akad. Proyekt, 2003. 301 p.

Klyuge N.Yu. Linneevskaya i postlinneevskaya sistematika nadvidovykh taksonov i novye printsipy nomenklatury [The Linnean and Postlinnean Systematics of Supraspecific Taxa and the New Principles of Nomenclature]. *Russkiy ornitologhicheskiy zhurnal* [*Russian Ornithological Journal*]. Ekspress-vypusk 79. 1999. P. 3–21.

Koblik Ye.A., Red'kin Ya.A., Arkhipov V.Yu. Spisok ptits Rossiyskoy Federatsii [The List of Birds of The Russian Federation]. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2006. 256 p.

Koblik Ye.A., Arkhipov V.Yu. Fauna ptits stran Severnoy Evrazii v granitsakh byvshego SSSR: Spiski vidov [The Fauna of Birds of the Northern Palearctic in Borders of the Former USSR: The List of Species]. [2014]. URL: http://zmmu.msu.ru/spec/publikacii/neserijnye-izdaniya/fauna-ptic-stran-severnoj-evrazii (accessed 4.02.2019).

Koblik Ye.A., Fridman Yu.S. O russkikh nazvaniyakh ptits Rossii [On Russian Bird Names][2006]. *Russkiy ornitologhicheskiy zhurnal* [*Russian Ornithological Journal*]. Vol. 22. Ekspress-vypusk 864. 2013. P. 861–867.

Kuznetsova E.V. K voprosu o funktsiyakh nomenklaturnykh nominatsiy (na materiale mezhdunarodnykh naimenovaniy tsvetkovykh rasteniy) [On the Problem of Functions of Nomenclature Nomination (on the Material of International Flowering Plant Names)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta* [*Izvestiya of Saratov University*]. Vol. 9. Ser. Filologhiya. Zhurnalistika, V. 3. 2009. P. 15–18.

Kurashkina N.A. Sravnitel'niy slovar' ornitonimov: latinskiye, russkiye, angliyskiye i frantsuzskiye nazvaniya ptits otryada vorob'inoobraznykh [A Comparative Dictionary of Ornithonyms: Latin, Russian, English and French Names of Passerine Birds]: slovar'. Ufa: RITS BashGU, 2013. 290 p.

Kurashkina N.A. Informatsionniy potentsial nauchnykh nazvaniy ptits (na primere ornitonimov otryada vorob'eobraznykh) [Informational Potential of Scientific Bird Names (Based on Passerine

Ornithonyms]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologhiya* [*Tomsk State University Journal of Philology*]. № 6 (32), 2014. P. 37–50.

Lebedev I.G. Znacheniye i proiskhozhdeniye russkikh nazvaniy zhivotnykh Rossii i sopredel'nykh territoriy (ehkologo-etimologhicheskoye issledovaniye) [The Meaning and Origin of Animal Names of Russia and Bordering Territories (Ecological and Etymological Research)]. M., 2009. 419 p.

Leychik V.M. Terminovedeniye: Predmet, metody, structura [Terminology Science: The Subject, Methods, Structure]. Izd. 4th. M.: Knizhniy dom «LIBROKOM», 2009. 256 p.

Losev A.F. Veshch i imya [Thing and Name]. *Losev A.F. Bytiye – Imya – Kosmos* [*Being-Name-Cosmos*]. Sost. i red. A.A. Takho-Godi. M.: Mysl'. 1993. P. 802–880.

Muryasov R.Z. Morfologhiya imeni sushchestvitel'nogo v raznostrukturnykh yazykakh [Morphology of the Noun in Languages of Different Structure]: monografiya. Ufa: RITS BashGU, 2016. 296 p.

Ryabitsev V.K. Ptitsy Urala, Priuralya i Zapadnoy Sibiri: Spravochnik-opredelitel' [Birds of the Urals and Western Syberia: A Field-Guide]. 3d izd., ispr. i dop. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2008. 634 p.

Sympson George G. Printsipy taksonomii zhivotnykh [The Principles of Animal Taxonomy]. Per. s angl. M.: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2006. 293 p.

Florenskiy P.A. U vodorazdelov mysli [At the Watersheds of Thought]. *Florenskiy P.A. Sochineniya v 4 t.* [*Collection of Works in 4 volumes*]. Vol. 3 (1). Sost. pod red. igumena Andronika (A.S. Trubacheva), P.V. Florenskogo, M.S. Trubacheva. M.: Mysl', 2000. P. 25–372. (Filos. naslediye).

Florenskiy P.A. Imena: Sochineniya [Names: Collection of Works]. M.: Eksmo, 2006. 896 p. (Antologhiya mysli).

Khodakova A.G. Terminy i nomeny [Terms and Nomens] *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [*Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*]. № 4 (1). 2012. P. 411–416.

Shelov S.D. Ocherk teorii terminologhii: sostav, ponyatiynaya organizatsiya, prakticheskiye prilozheniya [An Essay on the Theory of Terminology: Content, Notional Organization, Application]. M.: PrintPro, 2018. 472 p.

Eko U. Shest' progulok v literaturnykh lesakh [Six Walks in Fictional Woods]. Per. s angl. A. Glebovskoy. SPb.: «Simpozium», 2007. 285 p.

Yung K.G. Pozdniye mysli [Late Thoughts]. *Yung K.G. Sobraniye sochineniy. Dukh Merkuriy* [*Collection of Works. Mercury Spirit*]. Per. s nem. M.: Kanon, 1996. P. 343–373.

Cook G., Sealy A. The Discursive Representation of Animals // The Routledge Handbook of Ecolinguistics / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. New York and London: Routledge, 2018. P. 311–324.

Fill A., Penz H. Ecolinguistics in the 21st Century: New Orientations and Future Directions // The Routledge Handbook of Ecolinguistics / Ed. by Alwin F. Fill and Hermine Penz. New York and London: Routledge, 2018. P. 437–443.

Linnaei Caroli Systema naturæ per regna tria naturæ, secundum classses, ordines, genera, species, cum characteribus, differentiis, synonymis, locis. Editio decima, reformata. Holmiæ [Stockholm]: impensis direct. Laurentii Salvii. 1758. [4] Bl. P. 6–823.

Stibbe A. Animals Erased: Discourse, Ecology, and Reconnection with the Natural World. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2012. 224 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Курашкина Наталия Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и межкультурной коммуникации
Башкирский государственный университет
Россия, 450076, Республика Башкортостан, Уфа, ул. Заки Валиди, 32
E-mail: kurashkina76@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR:
Kurashkina Natalia Alexandrovna, Candidate of Philology, Associate professor, Associate professor of the Department of the English Language and Crosscultural Communication
Bashkir State University
32 Validy Str., Ufa, Bashkortostan 450076 Russia
E-mail: kurashkina76@mail.ru